

УДК 802.0-801.561.3

Морозова І.Б.

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГЕШТАЛЬТ-АНАЛИЗА В СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на материале английского языка)

В статье представлены основные принципы гештальт-анализа применительно лингвистических исследований. Приведен короткий перечень основных гештальт-категорий, обосновано преимущества предлагаемого подхода и продемонстрировано его практическое применение.

Ключевые слова: гештальт-анализ, концепт, фигура, гештальт-проекция, структурная доминанта.

Морозова І.Б. Застосування принципів гештальт-аналізу в синтаксичних дослідженнях (на матеріалі англійської мови). У статті розглянуто основні принципи гештальт-аналізу в його застосуванні у лінгвістичних дослідженнях. Наведено короткий перелік основних гештальт-категорій, обґрунтовано переваги запропонованого підходу і продемонстровано його практичне застосування.

Ключові слова: гештальт-аналіз, концепт, фігура, гештальт-проекція, структурна домінанта.

Morozova I.B. Practical Appliance of the Principles of Gestalt-analysis in Syntax in Modern English. This article introduces the principles of Gestalt-analysis in linguistic study. It gives a brief survey of the main Gestalt-categories and speculations upon the advantages of the suggested approach, and demonstrates the possibilities of its practical appliance.

Key-words: Gestalt-analysis, concept, figure, Gestalt-projection, structural domain.

Вопросы, связанные с методологическими основами лингвистических исследований, всегда представляли научно-теоретический и практический интерес. Поиск все новых научных ориентиров, вторжение в лингвистические исследования математических и технических теорий, а также «экспансионизм» (термин Е. С. Кубряковой [2, 207]) научной парадигмы в целом не мог не привести к порождению новых подходов к анализу языковых явлений.

В 1912 году немецкий психолог Макс Вертгеймер (*Max Wertheimer*, 1880-1943), экспериментально исследуя феномен кажущегося движения, открыл следующий факт. Любому образу мира, неважно, простому или сложному, сознание способно поставить в соответствие целостный феномен, называемый гешталтом этого образа [7, 53]. Абсолютный лингвистический эквивалент немецкому слову «*Gestalt*» в русском языке найти трудно. Его можно перевести как «*фигура*», «*конфигурация*». Точнее – это специфическая

организация частей, которые составляют органическое целое. Исследовать эту целостность посредством гештальт-проекций в разных аспектах рассмотрения предлагал еще немецкий философ Эренфельс (так называемые «круги Эренфельса» [11, 487])

Гештальт-теория наряду с когнитивизмом находит все большее применение в разных областях науки: социальной психологии, психологии личности, гештальт-консалтинге, в менеджменте и др. В настоящее время разработку гештальт-теории ведут такие известные исследователи как Д. Хэффлер (1998), Ф. Перлз и П. Гудмэн (2001), А. Рамат (2002), Ирвин и Мириам Польстер (2004), Дж. Скилтерс (2007). В своей работе «Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике» (2009) С. В. Чесноков пишет, что сорок лет исследований в области математических методов анализа данных, теории и практики их применения в гуманитарных и близких к ним областях позволяют заключить следующее. «Все феномены сознания объясняются только через гештальты, связи между ними, средства создания (удаления) и актуализации гештальтов. ... Сознание оперирует исключительно гештальтами, их локализацией в пространстве-времени и связями между гештальтами. Гештальты суть первоэлементы («атомы») сознания. Более элементарных единиц сознания не существует» [7, 49].

В лингвистические исследования понятие гештальта ввел Дж. Лакофф в своей работе «Лингвистические гештальты», где утверждается, что «...мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность организованы при помощи одних и тех же структур, которые называются гештальтами. ... Гештальты являются одновременно целостными и доступными анализу» [3, 359]. Сформировавшиеся гештальты всегда являются целостностями, каждая из которых, в свою очередь, есть частью целостности сознания с признаками ограниченности и расчлененности. При этом общая таксономия частей целого представляет в себе завершенную структуру, которая состоит из относящихся к целому таксонов, более или менее отличных друг от друга. Последние образуют ограничение (контур), являющееся основой гештальта целого. Дж. Лакофф приводит пятнадцать характеристик лингвистических гештальтов, но не идет дальше заявления о возможности использовать гештальт-теорию в лингвистическом анализе. Однако его трактовка теории гештальтов не получила в лингвистике должного развития, поскольку, по признанию самого автора, «понятие гештальта, предлагаемое мною, весьма неопределенно. ... У меня нет четко сформулированной теории» [3, 367].

В настоящей работе рассматриваются преимущества гештальт-анализа в лингвистических исследованиях и демонстрируется практическое применение принципов этой методики при исследовании эволюции простого предложения в диахронии XVIII–XX вв. Исходя из того, что каждый отдельный психо-ментальный фрагмент сознания характеризуется простотой, завершенностью и целостностью, его можно в широком смысле соотнести

с конкретним гештальт-образованием. Иными словами, концептуальное осмысление и иерархическое распределение действительности на уровне восприятия и осмысления в плане формирования конкретного понятия предполагает создание некоторого образа, или «фигуры» на фоне других объектов. Как известно из философии, «осознаваемая фигура (гештальт) – это ясное, живое восприятие, обобщенный образ или понимание (*insight*) чего-либо» [8, 212] (*перевод мой – И.М.*). Представленный здесь подход является целостным в том смысле, что мы стараемся детально рассмотреть каждый аспект проблемы простого предложения как определенную проекцию его целостного гештальта. Как сущность манифестируется в явлениях, так и комплексный гештальт объекта познается посредством изучения его проекций. При этом, к примеру, гештальт простого предложения рассматривается в работе как совокупность глубинных связей, отношений и внутренних законов, определяющих основные черты и тенденции развития предмета исследования. В свою очередь, гештальт-проекции рассматриваются как конкретные свойства или особенности функционирования простого предложения [5]. Сущность считается познанной, если известны причины возникновения и источники развития рассматриваемого объекта, раскрыты пути его формирования или технического воспроизведения, если в теории или на практике создана его достоверная модель, свойства которой соответствуют свойствам оригинала [11, 215].

Формирование «фигуры гештальта» – это динамичный процесс, в ходе которого последовательно рассматриваются специфические проявления особенностей предмета исследования и вычленяется так называемая «важность», или «прегнантность» гештальта. Под последней принято понимать иерархическое распределение доминантного свойства в фигуре гештальта. Осознание фигуры гештальта невозможно без осознания его структурированной доминанты. Ф. Перлз, разъясняя принципы гештальт-теории, рассматривает полет брошенного мяча, который осознается, главным образом, по сокращению расстояния между играющими. Любой гештальт, являясь целостным образованием, в большей или меньшей степени центрирован (например, центр гештальта человека – его лицо, на котором, согласно данным психологических исследований, обычно концентрируется внимание собеседника). Векторное смещение центра гештальта свидетельствует о существенных изменениях в его фигуре, и, следовательно, в восприятии данного гештальта как концепта.

Гештальт-анализ предполагает также исследование «ареала» и «коннекции» изучаемого явления. Понятие «ареал» используется в таком случае для обозначения гипотетического, или текстового, поля, в котором можно обнаружить результаты проецирования гештальта объекта. «Гештальт может быть связан внешними отношениями с другими гештальтами. Внешние отношения гештальта с другими гештальтами являются свойством гештальта

в целом» [3, 360]. Коннекция, или контакт, в гештальт-теории – это, в первую очередь, осознание новизны, которую можно ассимилировать, и движение к ней, а также отвержение новизны, которую ассимилировать нельзя. То, что постоянно остается неизменным и не вызывает никакой реакции, не является объектом контакта [6, 11].

Очевидно, что в лингвистическом исследовании, прежде всего, можно говорить о социальном взаимодействии собеседников в процессе речевой коммуникации и степени коннекции как между самими коммуникантами, так и между создаваемыми ими речевыми произведениями. Изучение гештальт-проекций предмета исследования дает возможность получить многомерный сфокусированный гештальт данного образования, т.е. ту самую модель со свойствами оригинала, необходимую для познания философской сущности. Отсюда принципы гештальт-анализа в лингвистике можно использовать как инструмент комплексного познания предмета исследования, поскольку данный подход позволяет получить объективно осязаемый концепт изучаемого явления. Иерархическое распределение «важности», или «прегнатности», в контуре целого определяет центр гештальта объекта, которому присущи определенные типы гештальт-качеств. Таким образом, создание некоторого *образа*, или «*фигуры*» на фоне других объектов облегчает концептуальное осмысление и наглядно демонстрирует иерархическое распределение доминантного качества объекта на уровне восприятия.

Представленный в данной работе подход является целостным в том смысле, что каждый аспект проблемы простого предложения рассмотрен как определенная проекция его целостного гештальта. Как сущность манифестируется в явлениях, так и комплексный гештальт объекта познается посредством изучения его проекций.

В качестве примера практического использования гештальт-анализа в синтаксисе рассмотрим эволюционные изменения в структурном составе английского предложения в диалоге на протяжении трех веков (XVIII, XIX, XX вв.). Предлагаемый в работе подход опирается на понимание любого лингвистического явления как сфокусированного многомерного образования, отражающегося в своих гештальт-качествах и свойствах, и, тем не менее, не сводимого к их сумме. Соответственно, методика исследования предполагает, прежде всего, изучение гештальт-проекций предмета исследования [5]. Ниже рассматривается функционирование простого предложения лишь в *одной* из возможных проекций. Как отмечает В. П. Горнунг, «каждый факт языка существует и может быть понят в системе только при определении его двумя типами связей – связей с другими элементами системы, в которую он входит в данный исторический момент, и связей с предшествующим и последующим состоянием самого этого факта» [1, 14].

Историческая динамика речевой коммуникации обусловливается постоянным движением общества от прошлого к будущему, в котором

немаловажним фактором является органическая связь коммуникации с культурой. По словам Р. Ингхарта, «язык – элемент культуры, который является частью системы приспособления общества к окружающей среде» [9, 55] (*перевод мой – И. М.*). Опираясь на линейное понимание развития материального мира в целом, в данной работе утверждается положение о структурной динамике формирования гештальта любого объекта.

Анализ вертикального трехвекового среза английского художественного диалога (6000 речевых образцов) позволил выявить стойкую тенденцию к увеличению количества простых предложений в диалоге персонажей (ср. явное превалирование сложных конструкций в XVIII веке – 2,4 : 1, и перевес в пользу простых в XX веке 2 : 1).

В современном английском диалоге реплики персонажей становятся более имплицитными. ««Ненормативность» их оформления становится скорее правилом, чем исключением, и объясняется стремлением автора добиться максимальной выразительности дискурса» [4, 16-17]. Установлено увеличение объема самого диалога, текст которого в эпическом произведении может, по данным нашего исследования, занимать до 4 стр. Подобное расширение диалогического текста романа фактически приближает его к языку современной драмы. Для сравнения отметим, что эпический диалог персонажей в XVIII веке являлся своего рода «включениями» в авторском повествовании и занимал, согласно нашим наблюдениям, не более трети усредненной страницы.

Что же касается количественного распределения типов простого предложения, то здесь рост структурной конденсации в плане увеличения удельного веса эллиптических предложений идет медленно, хотя тенденция к сокращению экспликации сохраняется (см. табл. 1).

Таблица 1

**Использование синтаксически различных типов предложений
в диахронии XVIII-XX вв.**

№	Тип предложения	%		
		XVIII в.	XIX в.	XX в.
		A	B	C
1.	Неэллиптические распространенные	40,5	40,9	50,9
2.	Осложненные ¹	29,6	16,5	8,0
3.	Эллиптические	17,5	22,4	23,3
4.	Неэллиптические нераспространенные	7,6	14,7	11,2
5.	Структурно-непредикатные	4,8	5,5	6,6

¹ В таблице проводится параллель употребления простых предложений и осложненных, т.к. последние занимают промежуточную позицию между простыми и сложными предложениями и приближаются к первым по своим линейным характеристикам. Что же касается эллиптических распространенных и нераспространенных предложений, то, в силу их линейного сходства, оба данных вида предложений рассматриваются в группе эллиптических.

Примеры к таблице 1:

1. A. *What signifies a sword against the power of the devil?* (19, 222).
 B. *This poor child can never have been the pupil of robbers* (18, 291).
 C. *You've got to think of all these things* (13, 21).
2. A. *«But, like good servants, let us hear and see, and say nothing»* (21, 231).
 B. *«Upon my life, though, he's a little too bad», said a third, who was a moralist* (23, 79).
 C. – *The letter written, I looked up to see his reaction.*
 – *So what?* (12, 71).
3. A. *«At the strangers request»* (19, 460).
 B. – *And what are you doing?*
 – *Going away* (16, 158).
 C. – *Has he gone?*
 – *He has. Relax* (14, 21).
4. A. *«I am of your mind»* (20, 88).
 B. – *Where will you go?*
 – *I don't know it* (15, 124).
 C. – *You were listening.*
 – *I was listening* (12, 27).
5. A. *A squat tauny fellow... came to me, calling, «Yo, ho! Brother, you must come along with me»* (17, 178).
 B. *I called in fright «Lucy! Lucy!»* (22, 113).
 C. *Gosh!* *We must hurry up* (13, 34).

Ареал использования различных структурно-синтаксических типов простого предложения изображен в виде круга с проведенными из центра осями. На каждой из осей, принятой за 100 %, обозначена соответствующая частотность употребления простого предложения в процентах (см. рис. 1).

Независимо от порядка наименования осей в обозначенном пространстве, структурная доминанта гештальт-проекции объекта сохраняется, поскольку иконически отражает количественное распределение различных видов простого предложения. Таким образом, на рис. 1 наглядно показано изменение гештальта простого предложения в диахронии и расширение его функционирования в тексте современного художественного диалога. Безусловным преимуществом гештальт-анализа является также возможность прогнозирования изменений гештальта объекта исследования. Так, в частности, можно сделать вывод, что диалогическое общение становится синтаксически более простым, а в речи персонажей увеличивается удельный вес всех структурных типов простого предложения.

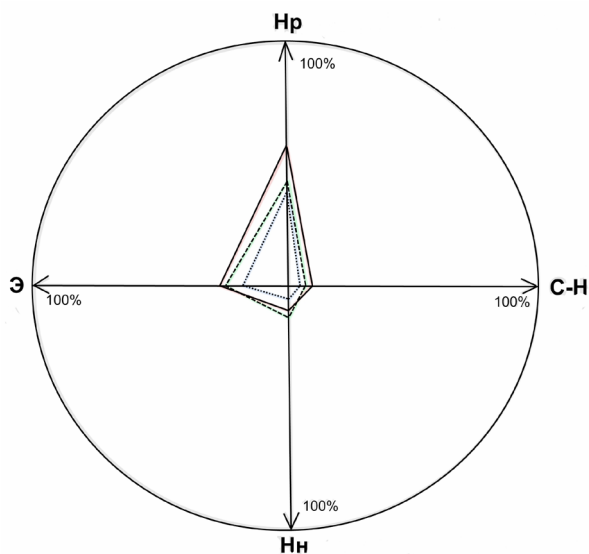

Рис. 1. Изменение гештальта простого предложения в диахронии:

- XVIII в.: Э=17,5%; Нр=40,5%; С-Н=4,8%; Нн=7,6%;
 ----- XIX в.: Э=22,4%; Нр=40,9%; С-Н=5,5%; Нн=14,7%;
 — XX в.: Э=23,3%; Нр=50,9%; С-Н=6,6%; Нн=11,2%;
 Нр – неэллиптические распространенные предложения;
 С-Н – структурно-непредикатные конструкции;
 Э – эллиптические предложения;
 Нн – неэллиптические нераспространенные предложения.

Практика гештальт-анализа, продемонстрированная на примере исследования диахронических изменений структуры простого предложения в художественном диалоге, раскрывает одну из возможных проекций синтаксических исследований – происхождение. Однако, как было указано выше, для получения достоверного и объективного гештальта предмета исследования необходимо «разложить» последний на ряд проекций. При этом с увеличением количества проекций рассмотрения предмета исследования возрастает достоверность воссоздаваемого в процессе анализа гештальта. В соответствии с основными положениями гештальт-теории, обязательными проекциями рассмотрения являются те, которые отображают три вида объективных гештальт-качеств: структуру (строение или тектонику), свойство (свойство функционирования целого или качество целого) и сущность [10, 134].

Всякий гештальт элементарен в том смысле, что он *существует* либо *не существует*, и если существует, то не имеет других свойств, кроме *локализации в пространстве-времени и производных от нее связей с другими гештальтами*. В силу своей элементарности, завершенности и простоты восприятия, гештальт любого объекта позволяет одновременно с воссозданием его структуры познать его суть и особенности функционирования. Перспективность использования гештальт-анализа мы видим в том, что

его принципы являются еще одним подтверждением единства структуры нашего сознания и мира, нас окружающего. Объемные и целостные для восприятия модели гешталтов становятся осязаемым аналогом ментального отображения объекта восприятием, «кирпичиками», из которых строится человеческое сознание, язык, мышление, в том числе, и такие специальные знания человека, как сложные грамматические категории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горнунг В. П. Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры / В. П. Горнунг // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: АН СССР. – 1960. – С. 14-19.
2. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144-238.
3. Лакофф Дж. Лингвистические гешталты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – 1981. – № 10 – С. 350 – 368.
4. Морозова И. Б. Синтаксическое обоснование эффективности диалогического общения в тематическом узле / И. Б. Морозова, Т. И. Рожко // Мова. – Одесса : Астропринт, 2007 (2005). — № 10. — С. 168 – 171.
5. Морозова І. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І. Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
6. Перлз Ф. Теория гештальт-терапии / Ф. Перлз, П. Гудмен. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. – 320 с. – (Серия: Современная психология: теория и практика).
7. Чесноков С. В. Феноменология диалогов в гештальт-теории, математике, логике / Чесноков С. В. – М. : URSS, 2009. – 160 с.
8. Häffler D. Grundlagen der Theoretischen Logik und Gestaltbewegen / Häffler D. – Leipzig: Kreis, 1998. – 514 S.
9. Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society / Inglehart R. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1990. – 504 p.
10. Kierkgardt W. G. Grundlehren der Gestaltlogik / W. G. Kierkgardt, F. T. Peters // Einführung in die Philosophie. – Tübingen – Basel: Kronen, 1998. – S. 131-155.
11. Философский энциклопедический словарь / [ред.-сост.: Губский Е.Ф. и др.] – М.: Инфра, 2003. – 576 с.
12. Armstrong Ch. The Witch's House / Armstrong Ch. – London: Intl Polygonics Ltd, 2006. – 253 p. – (Library Crime Classics).
13. Blyton E. The Mystery of the Disappearing Cat / Blyton E. – London: Egmont Books Ltd, 2003. – 224 p.
14. Brett R. A Cottage in Spain / Brett R. – London: Mills and Boon, 1995. – 187 p.
15. Bronte Ch. Jane Eyre / Bronte Ch. – London: ReadHowYouWant, 2007. – 452 p.
16. Cooper J. F. The Spy / Cooper J. – N. Y.: BiblioBazaar, 2007. – 458 p.
17. Defoe D. The Life and Adventures of Robinson Crusoe / Defoe D. – London: Puffin Classics, 2004. – 288 p. – (Puffin Classics).
18. Dickens Ch. Oliver Twist / Dickens Ch. – London: Penguin Classics, 2007. – 528 p. – (Penguin Popular Classics).
19. Fielding H. The History of Tom Jones, a Foundling / Fielding H. – М.: Cooperative Publ. Soc. of Foreign Workers in the USSR, 1936. – 930 p.
20. Goldsmith O. The Vicar of Wakefield / Goldsmith O. – Berlin: G.C. Nauch, 1809. – 253 p.
21. Radcliff A. The Romance of the Forest / Radcliff A. – М.: Raduga Publ., 1983. – 263 p.
22. Stoker B. Dracula / Stoker B. – London: Penguin Popular Classics, 1994. – 445 p.
23. Thackeray W. M. Shabby Genteel Story / W. M. Thackeray / [сост. Е.Ю. Генієва]. – М.: Радуга, 1985. – 145 с.